

ЖУРАВЛИ

L. B.

... Что, птица?

Недурно бы на Волгу, в Ярославль!

И. А. Бунин

Холодным пасмурным ноябрьским утром вышел на террасу выкурить сигарету.

Вдруг слышу курлыканье. И прямо надо мной, будто только взлетев, метрах в десяти над землёй появился клин журавлей.

Они летели ровно, почти симметрично разбросав лучи острого угла своего клина. Только от вожака стаи до замыкающих — лишь середины обеих верениц однообразно, размеренно колыхались из стороны в сторону.

Журавли кричали пронзительно каким-то внутризобным криком. Почти воплем.

Они прощались с городом? Или с тем водоёмом, где, может быть, ещё с вечера остановились на покой, на ночлег, чтобы утром отправиться в дальнюю дорогу? Журавли летели куда-то на юго-восток, оглашая своим криком пространство на многие километры.

Потом, в течение часа, ещё два раза в небе появлялись журавли, так же низко пролетая над террасой. Наверняка это были уже другие стаи.

Но даже самый промозглый реалист подсознательно оставляет в душе место для романтики: хотелось верить, что это тот самый клин, который оглушил меня своим первым появлением.

Я наивно убеждал себя в том, что они не хотят расставаться с людными местами, потому и возвращаются, чтобы в третий раз совершить свой круг почёта. Совершить для тех, кто, не отрываясь от земли, высоко задрав головы, наблюдает за ними?

Никому это не ведомо здесь.

На мгновение показалось, что крик журавлей звучит на каком-то незнакомом, но очень понятном мне языке, который слышал я ещё в детстве, в далёкой-далёкой Сибири, провожая журавлей за горизонт. А этот гортанно-грудной крик в вышине добавлял грусти к осеннему увяданию природы.

Последний удаляющийся крик... И после него — тишина... И тоска до весны.

А журавли с высоты своего полёта видят ли тех, кто с любопытством и восторгом следит за их громким и трагичным таинством?

Да и важно ли это?

ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЯ

Много лет назад в литературное объединение пришёл школьник-девятиклассник. Высокий и худой, в очках, чернявый и длинноволосый; ранец за плечами; английский язык в голове; репетиторы после уроков и полное отсутствие свободного времени. В общем, девятый класс, канун экзаменов...

Мы поздоровались, я спросил о цели его визита, он нерешительно ответил:

– Я тут рассказ написал. Не могли бы вы его прочитать? Может быть, напечатать где-нибудь? Я бы очень хотел. – Достал тетрадку, положил её на стол и сказал: – Вот.

Молодой человек смутился и, кажется, засомневался: стоит ли?

Помню, я тогда подумал: «Небось, опять вампиры, драконы и оборотни».

А стоит сказать, что в те времена молодые люди весьма часто в своём творчестве изображали исключительно нечто потустороннее. Впрочем, барышни добавляли ещё каких-то белых волков, обращающихся в демонических, одиноких и недоступных печальных юношей.

– О чём же ваш рассказ? – спросил я.

– Да я сам не знаю, так, написал одну историю. Хотите, сейчас прочитаю?

– Нет-нет, вы оставьте, – ответил я. Сказал, что мне нужно самому прочитать, вникнуть.

Мы договорились созвониться, поговорить. И он ушёл. И больше я никогда его не видел.

А передо мной лежала тонкая школьная тетрадь. Уже дома я открыл её и увидел разборчиво и набело переписанный с черновика текст. Вот он:

«Прошлым летом

Прошлым летом я отдыхал в санатории за городом. Родители купили мне путёвку, чтобы я поправлял здоровье, соблюдал распорядок, ел яблоки и повышал гемоглобин. Меня поселили в двухместной уютной

палате. Там был телевизор и санузел. Всё под рукой. Свободное от процедур время можно было проводить дома – в палате. Никто не мешает. Тем более что жил я один – сосед мой почему-то не приехал. Хотя жить одному было скучновато, ведь в нашей группе, куда меня зачислили, я никого ещё не знал. В общем-то, я не скажу, что первое время было плохо. Совсем наоборот: дискотеки каждый вечер до одиннадцати, четырёхразовое питание. Но всё равно по вечерам хотелось есть. Ужин в санатории заканчивался в семь часов – до отбоя так проголодаешься, что живот закрутит. Дело в том, что родители второпях забыли мне оставить деньги на карманные расходы. А без денег в буфете – сами знаете... На дискотеки я не ходил. Не люблю танцевать – стесняюсь, мне кажется, я не умею двигаться.

И вот однажды вечером, гуляя по лесу – так мы называли сосновый бор, где находился санаторий, – я встретил девочку из нашей группы. Она была одна, и я этому случаю обрадовался. Я и раньше обращал на неё внимание. Но разговаривать робел, что ли. Не то чтоб я был очень робок, но к ней подойти не мог. А тут она первая со мной заговорила. Спросила, что я здесь делаю и почему не на дискотеке. Я ответил. Мы познакомились. Я узнал, что её зовут Катя, что ей тоже пятнадцать лет, что дискотек она тоже, как и я, не любит. С тех пор мы каждый вечер гуляли по лесу вдвоём. Спускались по крутому берегу к реке, говорили о музыке (она увлекалась гитарой и даже играла мне несколько раз), говорили про школу, про то, кто куда будет поступать после одиннадцатого.

А когда через неделю приехали мои родители навестить меня и привезли мне немного денег, они мне были почти не нужны: есть по вечерам уже не хотелось. Не знаю, почему.

Но всё когда-то заканчивается.

Закончился и наш сезон. Седьмого сентября нас рассадили по автобусам, и мы

разъехались по домам. Потом я пошёл в девятый класс, и всё покатилося по-старому: школа, дом, уроки.

Уже зима. А я всё никак не могу забыть эту девочку. Я часто пишу ей письма, и она иногда отвечает мне на них».

Вот такая история. Вот такое наивное повествование, похожее на школьные сочинения на свободную тему, какие мы все давным-давно писали в начале сентября.

Но как же мне сказать этому юноше, что рукопись его не годится не только для печати, но и для обсуждения в узком кругу таких же молодых пишущих людей?

Как объяснить ему, что рассказ не состоялся, что язык его бесцветен, что он излагает, но не изображает? Как убедить его в этом, чтобы мои слова не оказались для него пустым звуком?

На следующий день я позвонил ему, представился, он поздоровался и замолчал в ожидании...

– Серёжа, я прочитал ваш рассказ, но понимаете...

И все эти мои «знаете» и «понимаете» звучали как вспомогательные части моей речи для связи слов. Я уж и не помню, чего я ему наговорил. Наверняка советовал больше читать, сравнивать прочитанное со своими литературными опытами, набивать руку и т. д. Говорил-говорил, да и закончил. Может быть, даже ляпнул в конце: «Ну, вот как-то так».

Нет, наверное, всё-таки не ляпнул. Это я сейчас придумал – я так себя истязую.

А тогда наступила пауза. И вдруг он спрашивает:

– Что, значит, всё плохо? И никак ничего?

Я говорил, что нужно обсудить рукопись, что не всегда в творчестве можно доверять сиюминутным чувствам, говорил о взгляде на произошедшее и со стороны, и с высоты времени; говорил о сюжете и фабуле; о композиции, о тропях. В общем, абсолютно «шукшинская» ситуация. И я вдруг поймал себя на том, что будто оправдываюсь

перед ним. И уже понимал, что мы говорим на разных языках. Я ему предложил приехать и поговорить.

Но Серёжа не приехал.

Та история, которая случилась с ним прошлым летом (вероятнее всего, впервые), так захватила его, так ошеломила, что захотелось на бумаге рассказать её кому-нибудь: себе, этой девочке Кате, друзьям, всем на свете, мне. Я даже уверен – она нравилась его слушателям.

Эта история была по сердцу и мне. Но, похоже, я оказался последним её читателем. Она мне нравилась своей чистотой и невинностью, тем, что произошедшее событие случается только раз, а событие следующее будет уже вторым, третьим, четвёртым. И предыдущий опыт не позволит ему – этому событию – быть таким невинным и чистым.

Но, согласитесь, какой блестящий открытый финал этой истории для читателя: *«Уже зима. А я всё никак не могу забыть эту девочку. Я часто пишу ей письма, и она иногда отвечает мне на них».*

Как откровенно, не стыдясь, признаётся этот милый мальчик: он-то часто пишет, а она только иногда... И тут же тьма, и тут же свет, волнение, и награда, и снова беспокойство.

Вот и вспомнил я его слова:

– Я тут рассказ написал. Не могли бы вы его прочитать? Может быть, напечатать где-нибудь? Я бы очень хотел.

Конечно, очень бы хотел. А как же может-то быть иначе? И сразу представил его.

Давным-давно кто-то очень умный сказал, что человек садится за чистый лист писать стихи или – как в нашем случае – прозу с единственной и неосознанной целью: завоевать сердце предмета своего обожания. Все остальные желания вторичны и обдуманны. Но как порой хорошо, что та единственная цель оказывается недосыгаема. Значит, чего-то ещё не хватает. Что-то нужно ещё. Хотя, как говорят, ложка дорога к обеду.